

ВИКТОР ПРОНИН

КАЖДЫЙ ДЕНЬ
САМОУБИЙСТВО

Часть сборника: Ворошиловский стрелок

Виктор Алексеевич Пронин
Каждый день самоубийство
Серия «Демин»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179537

Виктор Пронин. Ворошиловский стрелок: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-27752-0

Виктор Пронин

Каждый день самоубийство

День начинался в полном смысле мерзко. Соседняя котельная, то ли от избытка тепла и пара, то ли от недостатка слесарей, начала спозаранку продувать трубы и так окуталась паром, что совсем исчезла из виду. А гул при этом стоял такой, будто где-то рядом набирала высоту эскадрилья реактивных самолетов. Гул продолжался десять минут, пятнадцать – спать было невозможно, и Демин, почувствовав, что уже сам начинает вибрировать в такт гулу, поднялся. Он босиком прошлепал по линолеуму в соседнюю комнату, включил свет и направился к окну, чтобы взглянуть на термометр. Красный столбик заканчивался где-то возле нуля. Жестяной карниз был покрыт мокрым снегом, тяжелые хлопья сползали по стеклу, внизу на асфальте четко отпечатывались редкие следы первых прохожих. Снег, видно, прошел недавно, и был он медленным, влажным, каким-то обреченным, будто знал, что до следующего утра ему никак не продержаться.

Демин открыл форточку, зябко поежился, охваченный холодным, сырым воздухом. Котельная все еще гудела, и Демин смотрел на клубы пара без ненависти или недовольства. Только страдание можно было увидеть на его лице.

– Нет, это никогда не кончится, – беспомощно пробормотал он, отправляясь в ванную бриться.

– Пельмени в холодильнике, – не открывая глаз, сонно сказала жена.

– Ха! В холодильнике... Не в гардеробе же...

– И посади Анку на горшок. А то будет горе и беда.

– Посажу, не привыкать сажать-то...

Нет, день все-таки начался по-дурачки. Усаживая дочку на горшок, Демин забыл снять с нее штанишки, а когда спохватился, было уже поздно. Сделав нехитрые свои дела, она спала прямо на горшке, и Демин опять уложил ее в кровать. А потом он вставил в станочек новое лезвие и, конечно, порезался, обжегся бульоном, когда ел пельмени, и, спускаясь по лестнице, водил языком по нёбу, пытаясь оторвать обожженную кожу.

На улице Демин облегченно вздохнул – котельная наконец-то уgomонилась, и наступила такая тишина, что он услышал шлепанье капель с крыши дома, гул электрички в двух километрах и даже собственное дыхание. До станции решил идти пешком, но не успел сделать и нескольких шагов, как грохочущий, еще издали ставший ненавистным грузовик обдал его грязным снежным месивом. Демин даже не чертыхнулся. Он успокоился.

– Все понятно, – пробормотал он вслух. – Намек понял. Что-то будет... Благодарю за предупреждение.

Шагая к станции, он думал о том, как сядет в вагон электрички у окна и будет смотреть на медленно светлеющее небо, на грузные от мокрого снега ели, на черные контуры

редких изб с тускло светящимися маленькими окнами, замечать, как по мере приближения к Москве огней становится все больше и все они сливаются в зарево.

На перроне ему повезло – двери вагона распахнулись прямо перед ним. Демин быстро вошел и сел на свободное место у окна. Даже здесь, в несущемся поезде, чувствовался запах тающего снега, мокрой коры деревьев и многих других неуловимых вещей, которые твердо обещали – скоро тепло. Из полумрака вагона были видны поля, перелески, дороги с ожидающими машинами на переездах, а потом, когда электричка въехала в Москву, Демин с грустью рассматривал мокнувших на платформах людей, светлые окна в просыпающихся домах, тусклые отражения фар на дорогах, железнодорожных платформах, автобусных станциях.

* * *

Подходя к управлению, он сразу понял, что пришел первым – окна маленьких кабинетиков следователей были еще темные. Светилось лишь окно начальника следственного отдела.

– Чего это он? – вслух спросил себя Демин. – Тоже котельная разбудила? – Он усмехнулся, но возникшая настороженность не прошла. Открывая тяжелую дверь, он остро ощутил и холод мокрой металлической ручки, и то, что она висела на проржавевших шурупах, увидел, что лампочка на

площадке явно мала, перила разболтаны, хотя поправить – минутное, копеечное дело.

– Привет! – буркнул Демин, проходя мимо дежурного, тот за большим витринным стеклом неслышно разговаривал с кем-то по телефону.

– погоди! – крикнул дежурный. – Срочно к начальнику следственного отдела.

– На кой?

– Не будешь так рано на работу приходить!

– Раздеться-то я могу?

– Ни к чему, наверно!

– Даже так... – Демин озабоченно ссутулился и, сунув руки в карманы намокшего плаща, медленно зашагал по длинному узкому коридору, с сожалением прошел мимо своего кабинета, искоса глянув на номерок, приколоченный к двери. Нулевой день, подумал он, это уж точно. Где-то он читал, что у каждого через какое-то время наступает этот самый нулевой день – человек вроде впадает в заторможенное состояние, повсюду опаздывает, везде ему не везет, и все у него невпопад. Писали, что в какой-то японской компании даже высчитали нулевые дни всех служащих и вручают им в эти дни любезные предупреждения – так, мол, и так, дорогой, сегодня будь осторожен, чтобы не попасть под машину, не поссориться с друзьями, не разругаться с женой. Точно, у меня сегодня нулевой день, удовлетворенно подумал Демин и решительно постучал в кабинет Рожнова.

– Давай входи, кто там есть? – начальник был лыс, толстоват и добродушен. – Ну, Демин, никак не думал, что ты сегодня первым придешь!

– Нулевой день, Иван Константинович, – Демин вздохнул и, не раздеваясь, сел к теплой батарее.

– Глупости. – Рожнов широко махнул крупной, мясистой ладонью. – Какой, к черту, нулевой день! Работа есть работа. И дух наш молод, а?

– Молод, – уныло согласился Демин и вытер ладонью мокрое от растаявшего снега лицо. – Что там случилось-то?

– А! – небрежно обронил Рожнов. – Простая формальность. Девушка из окна вывалилась. «Скорая» увезла. По дороге скончалась.

– Девушка?

– Ну не «Скорая» же! Вот адрес... Звали ее Наташа Селиванова.

– Тоже, видно, нулевой день... Как же она вывалилась-то? На улице не лето... Да и время не такое, чтобы комнату проветривать...

– Участковый был на месте происшествия через несколько минут. В квартире, где она жила, еще ничего не знали. Квартира коммунальная. Три хозяина. Ее комната была заперта.

– Изнутри?

– Да. Изнутри. Подняли остальных жильцов, привлекли в качестве понятых, взломали дверь... Окно распахнуто, в

комнате холод, на подоконнике снег и все такое прочее.

– И никого в комнате?

– А кого бы ты еще хотел там найти?

– Мало ли, – неопределенно ответил Демин. – Какой этаж?

– Пятый. Но дом старый. Комнаты по три с половиной метра в высоту... Так что пятого этажа оказалось вполне достаточно. Скорее всего, дурная болезнь, – уверенно заявил Рожнов.

– Болезни все дурные. – Демин поднялся, поправил беретку. – А как с машиной?

– Машина во дворе. Криминалист и оперативники уже ждут. Наверное, спорят, кто подойдет. На тебя никто не поставит. – Рожнов довольно засмеялся.

– А медэксперт?

– На кой он тебе? Ведь девушки там уже нет. Но ты не беспокойся, заключение будет. И потом, Валя, девяносто процентов за то, что она все-таки сама выбросилась.

Демин знал, что преувеличенная уверенность Рожнова – не более чем игра. Если его предположение подтвердится, он долго будет хвастать этим, а если все окажется совершенно не так – тоже неплохо, потому что будет выполнено задание. Заранее выдвигая версию, Рожнов как бы предлагал поспорить с ним.

– Если заподозришь что-нибудь неладное, немедленно возбуждай уголовное дело, понял? Сегодня же! И не тяни,

понял?

– Как не понять...

Мокрый снег шел сильнее, когда Демин вышел из управления, и он невольно замешкался под бетонным козырьком, не решаясь выйти сразу. У самого крыльца виднелись следы недавно проехавшей машины. Шагая по ним, Демин обогнул угол здания и безошибочно вышел к «Волге». Ветровое стекло было залеплено снегом, но водитель не включал «дворники», чтобы не нарушить уют маленького, отгороженного от внешнего мира уголка. Радио в машине было включено – по «Маяку» передавали погодные новости – о жаре в Средней Азии, дождях в Прибалтике, похолодании в Якутии, оттепели в Москве...

– Привет, – бросил Демин, усаживаясь рядом с водителем.

– Привет, – охотно ответил криминалист – длинный парень, который никак не мог усвоить законы субординации и одинаково радушно приветствовал и дежурного старшину, и начальника управления. – А мы-то думаем – кого сейчас принесет, – продолжал криминалист. – Про тебя, Валька, никто не сказал, даже не подумали... Не могли допустить, что ты так оплошаешь...

– Нулевой день, ребята, ничего не поделаешь... Вот адрес. – Демин показал водителю бумажку. – Улица Северная... Знаешь?

Водитель мельком взглянул на адрес, молча кивнул и включил мотор. Машина медленно выбралась со двора и рез-

ко рванулась вперед, набирая скорость.

– А что случилось, Валентин Сергеевич? – спросил оперативник – небольшого роста румяный крепыш, который все еще волновался перед каждым заданием и, кажется, даже просыпался по утрам с учащенно бьющимся сердцем.

– По слухам, девчонка из окна выпала.

– А откуда слухи?

– От начальства.

– Значит, не слухи, а информация! – с робким возмущением проговорил оперативник.

– Можно и так сказать. Во погода, Володя? – повернулся Демин к водителю.

– Хуже не бывает! Сколько добра сегодня на дорогах пропадет, сколько машин разобьется, сколько ребят хороших...

– Заткнись, Володя, – спокойно сказал Демин. – Без нас посчитают.

Это был старый, дореволюционной постройки дом, один из тех, которые называли доходными. Окна его были высокими и узкими, как бойницы, пятый этаж вполне соответствовал нынешним седьмым. «Снега маловато, жалко, сошел снег, – подумал Демин, прикидывая высоту дома. – Если бы внизу были сугробы...» Двор оказался под стать дому – высокий, тесный, огражденный со всех сторон такими же унылыми домами из темно-красного кирпича.

Все стояли, спрятавшись от снега под квадратной аркой, и осматривали двор с тощими, чахлыми деревьями, которые,

кажется, высаживали здесь каждую весну, во время субботников, а потом, промучившись с ними все лето, выдергивали осенью сухие палки, чтобы весной опять посадить прутьики.

– Ну что? – спросил криминалист. – Можно начинать?

Демин посмотрел на него, отметив снежинки на непокрытой голове, сигарету, небрежно зажатую в уголке рта, распахнутое короткое пальто, фотоаппарат, болтающийся на животе. «Кавалерист, – подумал Демин. – Все легко и просто, все с налету, с поворота, по цепи врагов густой...»

– Начинай, – сказал он.

– А что начинать-то?

– Вот и я думаю, с чего начинать? Думал, может, ты знаешь. – Демин усмехнулся. – Вон идет участковый, он нам все скажет. Ты, Славик, его слушай. И вообще, совет – внимательно слушай участковых. Они много чего знают. Привет, Гена! – поздоровался Демин с подошедшим участковым.

– А, Валя! Здорово, что ты приехал... Привет, ребята! Видите окно на пятом этаже? Третье слева, видите?

– Со шторами?

– Да, самое красивое... А упала она вон там, я два кирпича положил. Их уже снегом припорошило. Тот кирпич, что на ребре, – отмечает, где ее голова лежала. Очень неудачно упала, просто хуже не бывает.

Все молча подошли к двум кирпичам, лежащим примерно в полутора метрах друг от друга. Никто не решался нарушить молчание, будто девушка все еще лежала здесь, на ас-

фальте. Криминалист нагнулся, перевернул кирпичи, чтобы они виднее были на снегу, брезгливо отряхнул руки и вдруг резко отшатнулся в сторону – он увидел, как следы, только что оставленные им на снегу, наполнились красноватой подтаявшей влагой.

– Да, это кровь, – невозмутимо объяснил участковый. – Не успели подчистить... Да я и не позволил... Мало ли что, вдруг следователю такая чистоплотность не понравится, а, Валя?

– Гена, а ведь она далекоовато от стены упала, – сказал Демин.

– Далековато. Я тоже об этом думал. Будто сзади ее кто-то подтолкнул или напугал... Но она и сама могла оттолкнуться.

– Могла, – с сомнением сказал Демин.

– Я прибежал в квартиру, когда они там еще все спали.

– Или делали вид, что спят, – сказал румяный оперативник.

– Как начали они замки открывать, щеколды откидывать, запоры снимать... Я думал, что кончусь прямо на площадке.

– Значит, чужой не мог попасть? – спросил Демин.

– Без помощи хозяев – ни за что! А ты думал! Коммунальная квартира, три хозяина. У них не только на входной двери, внутри все двери в замках, как в орденах! Коммунальная квартира, – повторил участковый, будто это все объясняло. – В одной комнате жила Селиванова, во второй старушка

обитает, в третьей два парня. Братья, между прочим. Лет по тридцать.

– Женатые?

– Нет. Холостые.

– А Селивановой сколько было?

– Двадцать. Или около того. Ты прав, для братьев она, конечно, представляла интерес... Это неизбежно. Девушка была того... В порядке девушка. Все при ней.

– Братья были дома?

– Да, собирались на работу. Тяжело собирались, с похмелья. Поэтому открыла старушка. Сутарихина. Фамилия ее такая. А братья – Пересоловы.

– По какому случаю у них пьянка была?

– А! – участковый поморщился. – Зарплата.

– Как все началось?

– Ее дворничиха нашла. Под утро. Вышла подметать и нашла. Девушка еще живая была. Дворничиха тут же ко мне. Двор глухой, рань, так что ее почти никто и не видел. Только когда «Скорая» подъехала, собралось человек пять. Я записал их, но в свидетели они не годятся, ничего не видели, подошли, когда уже машина стояла здесь. Повздыхали, поохали и разбежались по конторам рассказывать ужасную историю.

«Это как раз в то время, когда котельная моя гудела, – подумал Демин. – Будто прощальный гудок давала. А когда я порезался в ванной, ее уже в машину погружали... А умерла

она, выходит, в те самые минуты, когда я к электричке шел».

– Дверь в комнату Селивановой была заперта?

– Да. Изнутри, точно. Тут можешь не сомневаться. На замке есть небольшая кнопочка: когда ее опускаешь, замковое устройство блокируется и открыть снаружи невозможно, понимаешь? Так вот кнопочка была опущена.

– А из окна никто не мог спуститься?

– Смотри сам, – усмехнулся участковый. – Если бы кто и спустился, то на карнизах нижних окон неизбежно остались бы следы ног, карнизы-то заснеженные. Нет следов, я уже проверил. Братишки Пересоловы помогли мне дверь высадить. И в комнате порядок. Даже постель не разобрана, как если бы хозяйка не ложилась спать, понимаешь? Не разобрана, не смята. Много окурков. Бутылка. В таких случаях всегда есть бутылка. На этот раз – виски.

– Настоящее?

– Самое настоящее. И на этикетке нет чернильного штампа, который в ресторанах и барах обычно ставят. Понимаешь? Тут есть над чем подумать. В продаже таких бутылок нет.

– Братья уже ушли на работу?

– Нет, я их на свой страх и риск дома оставил. Думаю, вдруг пригодятся. Ты уж отметь им повестку, а?

– Отмечу. Комнату опечатал?

– За кого ты меня принимаешь, Валя?!

– Как братья отнеслись к тому, что ты их дома оставил?

– По-моему, обрадовались. Как я понимаю, головы у бра-тишек трещат, с третьего этажа треск слышен.

– Ну, пошли. Да позови дворничиху, слесаря, кого-ни-будь... Понятые нужны.

– А вон они стоят... Я давно уже их позвал.

– Ну ты, Гена, даешь! – восхищенно сказал Демин и усмехнулся, показав не очень правильные, но крепкие белые зубы. И первым вышел из-под арки – длинный, слегка су-тулый, сунув руки в карманы плаща, в знаменитом на всю прокуратуру берете, который не снимал большую часть года, в тяжелых туфлях на толстой подошве, в слегка узковатых брюках. Демин терпеть не мог расклешенных и мужественно ждал наступления времен, когда узкие брюки снова войдут в моду.

Криминалист, сняв несколько раз кирпичи на асфальте, окно на пятом этаже, общий вид двора, тоже направился вслед за Деминым и участковым.

Дверь в квартиру открыла Сутарихина. Увидев среди во-шедших участкового и решив, что он все объяснения возь-мет на себя, молча повернулась и засемила по темному ко-ридору к себе в комнату.

– Одну минутку! – остановил ее Демин.

Сутарихина остановилась и, не оборачиваясь, из-за спи-ны, одним глазом посмотрела в сторону вошедших.

– Простите, – Демин подошел к ней поближе, – вы здесь живете?

– Ну? – настороженность, чуть ли не враждебность прозвучала в этом не то вопросе, не то утверждении. Замусоленный передник, платье с короткими рукавами, обнажавшими крупные, жилистые руки, узел волос на затылке, клеенчатые шлепанцы...

Видик у бабули еще тот, подумал Демин. Тяжелый разговор будет. Опустившиеся люди обычно неохотно общаются с незнакомыми, скупо говорят о себе и стараются побыстрее скрыться в свою скорлупу от взглядов, от внимания чужих людей. Типичная обительница коммунальной квартиры, где никто не чувствует себя хозяином, считая и себя, и соседей временными, чужими, нежеланными здесь людьми. Квартирка тоже еще та... Тусклый коридор, заставленный тумбочками, шкафчиками, старыми кроватными сетками, всем тем, что не помещается в комнате и что жалко выбросить на свалку. На длинном, мохнатом от копоты шнуре висела маленькая лампочка, вырванный из гнезда выключатель болтался на проводах, двери провисли от тяжести окаменевших слоев краски и запоров...

– В какой комнате жила девушка? – спросил Демин.

– А вот, – Сутарихина, не глядя, кивнула на высокую двустворчатую дверь и тут же снова бросилась в темноту коридора.

– Гражданка Сутарихина! – громко и властно сказал участковый таким голосом, каким никто здесь никогда, наверное, не разговаривал, – будто команду отдал. Сутарихина

не только остановилась, она распрямилась и послушно повернулась ко всем лицом. – Вот этот товарищ, – участковый говорил все тем же зычным голосом, – хочет с вами побеседовать. У него к вам вопросы, касающиеся смерти вашей соседки Натальи Селивановой. Вам все понятно?

– А чего ж тут понимать... Все как есть понятно. А вопросы... Чего ж не ответить, отвечу.

– Не в коридоре же! – укоризненно сказал участковый.

– Да, конечно... – Сутарихина сделала приглашающее движение рукой. Заходите, мол, если уж это так необходимо. – Только у меня не прибрано, не до того сегодня...

– Ничего, он человек закаленный, к трудностям привык, стерпит ваш беспорядок.

– Вот что, ребята, – повернулся Демин к оперативникам, – принимайтесь за работу. Особое внимание – не было ли у нее гостя. Ну и, конечно, телефоны, адреса, переписка и так далее. Понятые здесь? Отлично.

Демин подождал, пока участковый откроет дверь, тоже вошел, огляделся. Кроме нескольких щепок, оставшихся после того, как утром пришлось взламывать дверь, в комнате не было заметно никакого беспорядка. Толстая накидка на диване, полированный стол, на котором стояла начатая бутылка виски, тяжелые шторы на окне, почти весь пол закрывал красный синтетический ковер.

– Ничего гнездышко, а, Валя? – заметил участковый.

– Да, вполне ничего, – согласился Демин. – Ладно, ребята,

вы трудитесь, а я с соседкой побеседую.

Сутарихина смотрела на вошедшего Демина с явной растерянностью. Ну вот, дескать, ты хотел войти, посмотреть, как я живу, смотри. Старая кровать с никелированными шариками, с наспех наброшенным суконным одеялом, деревянная рама с множеством фотографий под стеклом, будильник, стол, накрытый выцветшей клеенкой, сковородка с застывшей картошкой... Все говорило о нужде, невеселой жизни, может быть – доживании.

– Проходите, коли вошли. – Сутарихина как-то неумело улыбнулась, не часто, видно, ей приходилось улыбаться. – В дверях-то чего стоять... – Подхватив полотенце, она протерла табуретку для гостя. Демин еще раз осмотрел комнату, и Сутарихина настороженно проследила за его взглядом. – Небогато живем, но не жалуемся, – сказала она.

– Я смотрю, родни у вас, – Демин показал на раму с фотографиями.

– Много родни, – согласилась Сутарихина. – Было.

– Вон как... Вы уж простите...

– Ладно, чего там...

– Соседка ваша, похоже, из окна выбросилась. Хотел узнать – сама или кто помог?

– Ой, не знаю. – Глаза Сутарихиной сразу стали несчастными, больными. – Скромница, умница, красавица... Всегда поздоровается, в праздник с гостинцем забежит, в магазин соберется – обязательно спросит, не надо ли чего...

– Комната принадлежит ей?

– Родители для нее снимали комнату, а она училась в институте, иностранные языки изучала. В Воронеже родители живут... Я уж телеграмму утром дала... Завтра небось придут... Чего сказать им, чего сказать – ума не приложу! Не уберегла Наташеньку, ох, не уберегла!

– Она давно здесь жила?

– Третий год пошел... Как поступила в институт, так и поселилась.

– Гости у нее часто бывали?

– Ой, можно сказать, что не заходили к ней гости-то.

– Вчера поздно пришла?

– Ну, как поздно... Темно уж было. Часов в девять, наверное.

– Вы ничего не заметили? Может быть, она была взволнована, заплакана, встревожена чем-то?

– Нет, не заметила. Случалось, конечно, приходила и заплаканной, и встревоженной, но ведь оно и понятно – дело молодое. А вчера вместе с ней мы чайку попили... Вот сейчас припоминаю, молчала... Но она всегда такая, не говорунья была, нет. Молчит, улыбается, слушает... Все больше я говорила, мне есть чего рассказать.

– Она всегда дома ночевала?

– Не знаю, как сказать...

– Значит, не всегда? – уточнил Демин.

– Не всегда, – горестно согласилась Сутарихина. – Конеч-

но, будь я ей матерью, строже бы спросила, а то что – соседка. Но и беды большой в том я не видела. У подружек засидится, чего ей через весь город тащиться? Если не придет ночевать – всегда позвонит, предупредит, так, мол, и так, Вера Афанасьевна, сегодня меня не ждите. И училась хорошо, отметки показывала, все пятерки, четверки, других не было. Грамота у нее из института за самодеятельность...

– Так, – твердо сказал Демин, останавливая Сутарихину. – А последнее время вы стали замечать за Наташей что-то неладное?

– Да, что-то с девкой твориться начало... – поддавшись его тону, женщина кивнула.

– Давно?

– Месяца три, почитай...

– Кроме чая, она пила что-нибудь покрепче?

– Вы имеете в виду...

– Вино, водку, виски...

– Однажды, – Сутарихина понизила голос, словно собиралась сказать нечто невероятное, – однажды я у нее запах вина слышала. Веселая пришла, все болтала, да нескладно, невпопад, будто самое себя заговорить хотела. Призналась – у подружки на именинах была. Спрашиваю, а ребята были? Были, говорит. И улыбнулась. Знаете, так улыбнулась, будто о чем плохом подумала.

Демин смотрел в скорбные, заплаканные глаза старой женщины и мысленно ругал себя – надо же так ошибиться!

Он шел в эту комнату, заранее готовя себя к разговору с замкнутой, недовольной всем белым светом старухой, а познакомился с человеком, может быть, не очень счастливым, но сохранившим в себе чуткость к чужой жизни. Это ведь заметить надо – пришла веселее обычного, непривычно много болтала, а улыбалась нехорошо, будто о чем-то плохом вспоминала... И сейчас вот сидит спокойно, достойно.

Не суетится, не мечется, не бравирует нуждой, как это часто бывает, не ищет виновных, не брюзжит.

– К ней заходили подруги?

– Никогда. Спрашиваю – чего ж, доченька, подружки к тебе не заходят? А чего им заходить, говорит... Живут далеко, в общежитии, институт тоже не близко. Это, говорит, мне сподручней к ним ездить, я у них и заночевать могу, койка всегда найдется, не в той комнате, так в этой, посеCRETничать всегда есть с кем...

– А парень у нее был?

Сутарихина быстро взглянула на Демина, опустила глаза, помолчала, наматывая на палец тесемку от передника.

– Наверное, все-таки был... Парнишка. Молоденький, худенький. Хотела спросить, да она как-то быстро его и спрятала. Приятный молодой человек, видно, с пониманием о жизни... Я не удержалась, спросила... Но, видно, вопрос не понравился Наташе, любопытство мое она осадила. Не то чтобы резко или грубо... Просто сделала вид, что не услышала. Тогда уж и я сообразила язык прикусить. Чего к человеку

в душу-то лезть? Придет время, сама расскажет. А оно, время-то, вона какое пришло. – Сутарихина всхлипнула, закрыв лицо руками.

– А эти... соседи ваши, братья Пересоловы? Как они к ней?

– Что сказать... Пересоловы, и все тут. Другие люди. Неплохие ребята, не скандалисты, помогут всегда, если, случится, попросишь... И друг дружку чтут, никогда драк промежду собой не бывает или ругани какой... Но вот как-то интересу к жизни нет. Все у них просто, так просто, что дальше некуда. Стремления нету. Заработать, поесть, попить, покуролесить, песни попеть, поохотать – и все тут. А к Наташе... Нет, не забижали они ее, гостинцы иногда приносили, когда праздник какой, Новый год, к примеру, или Женский день... Хоть и выпимши придут, а гостинцы принесут...

– Какие? – спросил Демин, вспомнив про виски на столе в комнате Селивановой.

– Господи, какие у них могут быть гостинцы! Конфетки, цветочки, игрушку какую-нибудь, не то медведя, не то зайца... Сейчас ведь их так делают, что сразу и не разберешься, что за зверь такой... Знаю, знаю, что хотите спросить, сама скажу. Было дело, попробовали они к ней с мужским интересом, но... говорю же, другие люди. Я уж набралась наглости, пошла к ним... Уж так отчитывала, так отчитывала... – Сутарихина, не выдержав, расплакалась.

– Вера Афанасьевна, а теперь скажите – в квартире этой

ночью чужих не было?

Сутарихина перестала плакать, тыльной стороной ладони вытерла слезы на щеках и пристально посмотрела на Демина, пытаясь понять скрытый смысл вопроса.

– Я вам вот что скажу – ежели вы кого подозревать надумаете... кроме нас, жильцов, в доме никого не было. И быть не могло. Уж мы-то не первый год вместе живем. Пересоловы навеселе придут – и то я знаю, сколько они выпили, сколько с собой принесли. Наташенька позвонит, а я могу прикинуть, какое настроение у нее, какие отметки в портфеле.

– Может, у Наташи в комнате кто был? Она, к примеру, раньше впустила...

Сутарихина отрицательно покачала головой.

– Не было у нее никого. Чай мы пили вечером. И потом опять я к ней в комнату заходила, не помню уж и зачем...

– А если вспомнить?

– Господи! – Сутарихина досадливо махнула рукой. – Чаю она мне купила где-то в центре. Вот за чаем я и зашла. – Женщина поднялась, подошла к шкафчику, достала из него несколько пачек индийского чая и положила перед Деминым. – Вот. Сказывала, что в Елисеевском магазине брала. Проверить можно. Там ведь тоже не всегда хороший чай бывает, а вчера был. Поезжайте, вам-то уж директор полный отчет даст – чем вчера торговали, что попрдержали!

– Верю, Вера Афанасьевна, – улыбнулся Демин. – А ночью никто не мог зайти? Вдруг еще у кого ключи есть?

Сутарихина, не говоря ни слова, поднялась и вышла из комнаты. Вернувшись через минуту, она положила на стол перед Деминым небольшой ломик с раздвоенным концом.

– Вот. Гвоздодер. Кроме замка, мы запираем дверь еще и на гвоздодер. Хоть бульдозером открывай – ничего не получится.

– А из жильцов... Никто не мог впустить постороннего?

– Нет! – нетерпеливо сказала Сутарихина. – У меня такой сон... У меня и нет его, сна-то. Забудешься на часок-второй и опять лежишь, в потолок смотришь, годы тасуешь... Кто воды выйдет попить, или, прости господи, по нужде в отхожее место прошлепает, или эти, Пересоловы, перекур на кухне устроят... Все слышу.

– Наташа эту ночь хорошо спала?

– Плохо, – озабоченно сказала Сутарихина, вытерев слезы уголком передника. – Как чувствовала. Я уж подумала, может, чаем ее крепким напоила... А потом звонок был. Телефонный. Трубку поднял Анатолий. Да, Толька первым подошел, это младший, он как раз на кухне сидел. Как я поняла, Наташу спрашивали. Толя положил трубку на тумбочку и пошел к ее двери. Постучал несколько раз на особый манер... Это у нас знак такой – к телефону, дескать, иди.

– О чем был разговор?

– А не было разговора. Да – нет, да – нет... А потом Наташенька... Оставьте, говорит, меня в покое. Вот и все.

Демин, казалось, был весьма озадачен. Поднявшись, он

взял в руки гвоздодер, подобросил, как бы прикидывая его надежность, и осторожно положил между чашками.

– Спасибо, Вера Афанасьевна. Похоже, мы с вами еще свидимся... Подумайте, может, чего вспомните.

– Вспомню – скажу, таить не стану, – суховати ответила Сутарихина.

Оробевшие братья Пересоловы маялись на кухне, курили, не решаясь ни заглянуть в комнату к Селивановой, ни уйти к себе. Время от времени они лишь молча переглядывались, как бы говоря: «Вот так-то, брат, такие дела пошли»... И не чувствуя себя хозяевами здесь, в своей квартире, курили как гости – выпуская дым в открытую форточку и стряхивая пепел в ладошки.

– Ну, что скажете, братья-разбойники? – приветствовал их Демин.

– А что сказать – беда! – ответил, видимо, старший брат. Он был покрупнее, с розовым лицом, слегка, правда, помятым после вчерашнего возлияния, с четко намеченным крепким животиком. Взгляд его маленьких острых глаз был насторожен и подозрителен. Он словно заранее знал, что ему придется доказывать свою невиновность, и уже был готов ко всему этому.

– Давайте знакомиться, – Демин протянул руку. – Валентин.

– Василий. – И рука у старшего брата оказалась сильная, плотная. – А его Анатолькой дразнят. – Он показал на млад-

шего брата.

– Пусть Анатолька, – согласился Демин, пожимая руку младшему. Тот польщенно улыбался, смущался, чувствуя на себе внимание чужого, незнакомого человека. «По всем показателям младший, – подумал Демин. – И послабее, и, судя по всему, у брата на побегушках. Ладонка пожиже, характер, видно, тоже. Типичный характер младшего брата». – Ну а теперь, ребята, расскажите, что у вас тут произошло.

Анатолий быстро взглянул на Василия, как бы спрашивая разрешения заговорить, но, поскольку тот сделал вид, что не заметил беспокойства брата, сник и промолчал.

– Это, как я полагаю, вы должны рассказать, что произошло, – значительно и в то же время с подковыркой сказал Василий. – Мы спали, ничего не видели, не слышали, мы люди простые...

– Я вижу. Потому и пришел к вам.

– Зря пришли, – сказал Василий, глядя в пол.

– Кто из вас этой ночью подзывал Селиванову к телефону?

– Я звал, – неуверенно сказал Анатолий и опять посмотрел на брата. Василий оставался невозмутимым, но в его спокойствии сквозило недовольство, неодобрение поспешности Анатолия. Василий, видимо, был из тех, кто стремится всегда «поставить себя», чтоб сразу оградить от пренебрежения и дать понять, что он за себя постоять сумеет, не позволит помыкать собой.

– В котором часу это было?

– После двенадцати, – ответил Василий.

– В котором часу это было? – повторил Демин, глядя в глаза Анатолию.

– Он же сказал...

– Я слышал. Но я спрашиваю не у него. Вы подзывали Селиванову к телефону, вам и вопрос.

– Минут пятнадцать второго, – негромко ответил Анатолий.

– Вы не спали? Почему?

– Засиделись...

– А Селиванова спала?

– Нет... Вышла сразу, будто ждала этого звонка.

Демин заметил, как у Василия шевельнулись, дрогнули желваки. Ему не нравилось, как разговаривали с его братом, не нравилось, что он сам оказался в стороне как второстепенный, незначительный участник событий.

– О чем говорили? – спросил Демин.

– Я не слушал, – ответил Анатолий и покраснел.

– Ну а все же?

– Говорит ведь человек – не слушал! – вмешался Василий. – Придумывать ему, что ли? Мы тут такого напридумаем...

Демин помолчал, разглядывая Василия с недоумением.

– Вы упрекнули меня в том, что я не могу рассказать вам, как погибла Наташа, – заговорил Демин размеренно. – А теперь, когда я выясняю обстоятельства ее гибели, вы вдруг

затеяли какие-то игры... Что, собственно, вам не нравится?
Я вам не нравлюсь?

– Нет, почему же... – смутился Василий.

– А раз так, то будьте добры, пройдите к себе в комнату. И посидите там, пока я поговорю со свидетелем, – жестко сказал Демин.

– Это что же получается...

– Я тороплюсь и вас прошу поторопиться. Закон запрещает допрашивать свидетелей пачками. Свидетелей должно допрашивать по одному. Чтобы они не мешали друг другу, не сбивали друг друга с толку и не вмешивались в расследование. Иначе их показания потеряют всякий смысл и юридическую достоверность. Статья сто пятьдесят восьмая Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Василий, прищурившись, протяжно посмотрел на Демина, как бы желая показать, что тот сильно рискует, разговаривая с ним таким тоном. Потом усмехнулся, нарочито медленно подошел к форточке, положил на согнутый палец окурок и щелчком отправил его на улицу. Неторопливыми, дразнящими действиями он будто хотел подчеркнуть свое достоинство, независимость в поступках.

– Ладно, – сказал он, не то смягчаясь, не то озлобляясь. – Скажи только...

– Потом, – перебил его Демин.

– Я смотрю, с людьми вы разговариваете...

– По закону, – Демин плотно закрыл дверь за Василием

и сел на табуретку напротив Анатолия. – Тяжело быть младшим братом?

– Бывает, – смутился Анатолий. – Васька ничего парень, с ним жить можно... Он боится, что мы из-за всей этой истории попадем в передрыгу, да потом и не выберемся из нее.

– Авось не попадете, – успокоил его Демин. – Итак, мы остановились на том, что ты позвал Наташу к телефону. Сам остался у двери. Это ясно. О чем она говорила? С кем? Как? Каким тоном?

Анатолий помялся, искоса поглядывая на дверь, за которой только что скрылся Василий, и наконец заговорил, сжав коленями сцепленные пальцы:

– Чудной какой-то разговор был... Наташа больше молчала. Иногда будто успокаивала кого-то... Ничего, мол, не волнуйся, я слушаю, я у телефона... Видно было, что ей неприятен этот разговор и она побыстрее хочет закончить его... Потом сказала: «Давай вываливай, что там у тебя еще припасено, вываливай все сразу». А минут через пять снова звонок. Наташа еще не ушла к себе и трубку подняла сама. И, не слушая, сразу выдала... Ты, говорит, все сказала, и я все сказала. И бросила трубку.

– Значит, разговор был с женщиной?

– Почему? – удивился Анатолий.

– Но ведь ты сам только что произнес ее слова: «Ты все сказала...»

– Вообще-то да, – Анатолий был озадачен. – Получается,

что с женщиной... Я и не подумал.

– Твой брат ее не любил?

– Не то чтобы не любил... Остерегался. Он будто какую-то опасность в ней чуял... Иногда даже робел... – Анатолий вздохнул, оглянулся на дверь, стараясь не встретиться взглядом с Деминым. Но все-таки поднял глаза и посмотрел жалко и беспомощно... – Я как-то подкатился к ней... Ну а почему бы и нет? Я неженатый, она тоже свободная... Девушка красивая... С красивыми всегда все и случается – и хорошее и плохое... А с дурнушками – никогда ничего. Живут всю жизнь спокойно, сплетничают, завидуют, толстеют... и все...

– Влюбился? – спросил Демин.

– А куда деваться? Тут никуда не денешься! Под одной крышей живем, как семья, можно сказать. Не очень дружная, но семья...

– И ничего не вышло?

– Не вышло. – Анатолий растерянно улыбнулся. – Сказала она мне вроде того, что, мол, надо свой шесток знать... Да я и сам понимал, что Наташа – не моего пошиба девка. А чем, думаю, черт не шутит, и попер... В общем, получил от ворот поворот. А Васька как узнал, что она меня отшила, обидно ему показалось. Будто она и его мордой в грязь ткнула...

Демин представил себе эту жизнь в коммунальной квартире, где бок о бок живут чужие друг другу люди, словно сведенные вместе ради жестокого опыта – узнать, что из этого получится. Их различие, неприятие друг друга, все их

столкновения, привязанности, чувства, ссоры заносятся в какие-то ведомости, отчеты, сводки. А люди живут, привыкнув, а может, попросту смирившись, и уже готовы показаться друг другу сонными, с помятыми лицами, не в самых лучших нарядах, а то и вовсе без нарядов... А эти их мимо-летные, равнодушные и напряженные встречи в тесном, заставленном дряхлыми вещами коридоре, пропахшем жареной картошкой, луком, обувью, мылом. И вот здесь появляется Селиванова – яркая, нарядная, словно бы из другого мира, появляется только для того, чтобы переночевать и снова уйти в сверкающий красками, чувствами, возможностями мир, который был недоступен и поэтому особенно привлекателен для остальных жильцов...

Демин представил, каким жалким и обойденным судьбой чувствовал себя Анатолий, когда, придя вечером со смены и отмыв руки от въевшегося черного мазута, надев свежую сорочку, которую сам накануне выстирал, повязав случайный, несуразный галстук, толкался в коридоре, надеясь встретиться с ней, переброситься словом, улыбкой, посторониться, пропуская ее – о боже! – в туалет или в ванную, и ждал, ждал, ждал хоть какого-нибудь поощряющего жеста, взгляда...

Конечно, ей льстила его робость, преданность, какой бы она ни была. Это всегда лестно. Влюбленность, даже прячущаяся, униженная, дает женщине силы радоваться жизни и любить. Любить кого-то другого. Но она не откажется иметь

поклонника, готового на любую услугу...

– Послушай, Толя, – обратился к парню Демин, – а скажи, Селиванова не давала тебе никаких поручений?

– Поручений? А почему вы решили, что она...

– Нет-нет, погоди. Я ничего не решал. Возможно, она тебя предупредила, чтобы ты никому не говорил, поскольку это для нее очень важно. Понимаешь? Я не настаиваю, что дело было именно так, но в порядке бреда могу я предположить? Могу. Так вот, теперь можешь говорить откровенно. Моя задача – найти причину самоубийства, если это действительно самоубийство, найти людей, которые довели ее до состояния, когда смерть кажется лучшим выходом...

– Понимаю, – перебил Анатолий. – Поручения были. Несложные, нетрудные... Просила она меня не то два, не то три раза коробки отвезти по одному адресу.

– Коробки? Какие?

– Дорогие игрушки. Японские, западногерманские. В коммиссионках по полторы тыщи. По две. По три...

– А куда отвозил?

– Мужу одному...

– Адрес помнишь?

– Нет, но показать могу. И как звать его, помню – Григорий Сергеевич. Маленький, шустрый, суетливый какой-то... Все лебезит, а потом вдруг возьмет и похамит. Манера такая. Дескать, я вон какими делами ворочаю, а ты, мразь вонючая, получай тройак за услуги. И уж радости у него при виде этих

коробок! А как-то рюмочку поднес. Оказалось – самогонка. Тыщами ворочает, а самогоночкой балуется. Но как я понял, держит ее для угощения не очень почетных гостей. Стоит у него в шкафчике и кое-что попримечнее.

Демин ссутулился на кухонной табуретке, зажав, как и Анатолий, ладони коленями. Значит, появляется некий гражданин по имени Григорий Сергеевич, самодовольный человек, балующийся самогонкой и импортными магнитофонами. А Селиванова? При чем тут Селиванова? Запуталась девчонка? Или запутали?

– Послушай, Толя, а кто привозил коробки сюда? Наташа?

– Не знаю, не видел.

– А этого любителя сивухи узнаешь?

– Хоть в двенадцать ночи. Почти лысый, животик выпирает, брюхатенький мужичок, и моргает, будто веки у него снизу вверх ходят, как у петуха.

Внезапно дверь распахнулась, и на кухню вошел Василий. Лицо его от возмущения пошло красными пятнами, а дышал он так, будто на пятый этаж бегом взбежал.

– Что?! – заорал он, остановившись перед Деминым. – Расколел парня, да?! Расколел! Так я и знал! Ах, твою мать, ты ведь упекаешь его! Толька! Я ли тебе, дураку, не говорил? Посидеть захотелось?

– Заткнись, – тихо сказал Анатолий.

– Что?! А ну повтори!

– Я сказал, чтобы ты заткнулся.

– Расколос? – повернулся Василий опять к Демину. – Доволен?!

– Очень, – Демин поднялся. – Да, я доволен разговором с вашим братом. Он оказался честным и порядочным человеком. Как я понял, эти качества не вы ему привили. Может, лучше сказать иначе – вы из него эти качества еще не вытравили. Трусоват твой старшой-то, – с улыбкой сказал Демин Анатолию. – Ишь запаниковал как... Ну ладно, братишки, не скучайте. Из дому не уходите пока, вдруг понадобится...

– А ему, – агрессивно начал Василий, кивнув головой на младшего брата, – сухари сушить?

– Можно повременить, – улыбнулся Демин.

– Мои показания вас не интересуют?

– Вы хотите сказать что-нибудь существенное?

– Да нет... Я вообще...

– А-а, – разочарованно протянул Демин. – Вообще мы поговорим как-нибудь после.

* * *

Обыск в комнате Селивановой еще продолжался. Криминалист в творческом волнении расставлял на столе американские сигареты, японский зонтик, бутылку шотландского виски, стакан с тяжелым литым дном. Понятые сидели на диванчике, им давно наскучили нехитрые обязанности, и слесарь с дворничихой вполголоса толковали о ремонте парово-

го отопления, о лифте, о начальнике жэка, которому ничего не стоит человека обидеть, о каком-то хаме, повадившемся выкидывать мусор из окна...

– Странная была студентка эта Селиванова, тебе не кажется? – участковый кивнул на раскрытый шкаф, в котором висели две шубейки, небрежно брошенные, лежали две пары заморских сапог, песцовая шапка...

– Благосостояние растет, – пожал плечами Демин.

– Больно темпы высоки, – хмуро сказал оперативник. – Если все начнут такими темпами свое благосостояние повышать, мы не будем поспевать на выбросы.

– Какие выбросы? – спросил Демин.

– Из окон.

– С твоим юмором не здесь надо работать.

– А где? – засмеялся оперативник. – По-моему, он как раз на месте.

– Что отпечатки? – спросил Демин у криминалиста.

– Вроде чужих нету. Наверняка ответчу вечером.

– А виски?

– Бутылка открыта совсем недавно. Вечером, если не утром.

– Снимки есть?

– Сколько угодно. – Оперативник протянул Демину большую папку с фотографиями.

Да, Селиванова любила сниматься, явно нравилась себе, и не только себе, это тоже было ясно. Белокурые волосы,

пухлые, почти детские губы, слегка капризный, уверенный в неотразимости взгляд. Вот на фотографии Селиванова хотала во весь рот, и Демин мог убедиться, что у нее красивые, ровные зубы. На одном только снимке девушка была совершенно иной: угрюмый взгляд, не то беспомощная, не то нагловатая улыбка, какая бывает у людей, застигнутых на некрасивом поступке. Разглядывая этот снимок, Демин не мог отделаться от впечатления, что эта ее ухмылка предназначалась для него – настолько прямой взгляд был у Селивановой на фотографии. Ясно, что так девушка смотрела на человека с фотоаппаратом. На оборотной стороне снимка стояла дата. Только дата, больше ни слова, ни буквы. Снимок был сделан два месяца назад. Снимок говорил и о том, что была у девушки Наташи другая жизнь, не только та, о которой знала сердобольная Сутарихина.

Демин отобрал из пачки несколько снимков и сунул их в карман.

– А вот это, Валя, тебе не покажется интересным? – Оперативник положил перед Деминым коробку, наполненную всевозможными женскими побрякушками, колечками, квитанциями, нитками. – Посмотри, здесь почти десяток этикеток из «Березки»... Ну, из магазинов, которые за валюту торгуют...

Демин взял коробку, вытряхнул ее содержимое на диван. Несколько минут внимательно перебирал, рассматривал бумажки, этикетки, квитанции. Они рассказывали еще об од-

ной стороне жизни Селивановой.

– Ну вот, это уже интересно, – проговорил он. – Квитанция на денежный перевод. Мамаша высылает Наташе двадцать пять рублей и заранее извиняется, что больше выслать не может. Слышишь, Гена, – подозвал он участкового. – Картошку купили родители Наташи. На зиму запаслись. И эта покупка серьезно вышибла их из колеи...

– Ну и что?

– Это говорит о том, что благополучия Наташа достигла своими силами. Старики ее, как я понял, не самые состоятельные в Воронеже люди. Покупка нескольких мешков картошки всерьез нарушает их финансовые обстоятельства. А у девушки Наташи две шубы... Если я не ошибаюсь, стоимостью порядка полутора тысяч рублей каждая.

– Мать честная! – в волнении зажала рот руками дворничиха, услышав эту невероятную, с ее точки зрения, сумму. – Это где же взять их?! Такие-то деньги...

– Дочку красивую надо иметь, мамаша! – засмеялся криминалист. – Нынче красивые дочки в цене!

– Нет уж, сынок, – строго проговорила женщина. – Тогда уж и денег мне этих не надо. Господь с ними, с деньгами-то. Не ужилась, видно, девка с деньгами в одной комнате, выжили они ее, в окно вытолкнули, во как! С деньгами большими не каждый уживется, они, деньги-то, с норовом, кто послабее – переломить могут!

– Верно говоришь, мать! В одной комнате действительно

трудно с деньгами ужиться, тут квартира нужна попросторнее. Это ты верно подметила. За такие слова и кадра не жалко. – Он резко повернулся и щелкнул аппаратом так неожиданно, что женщина не успела убрать с лица осуждающее выражение.

– Тьфу, черт настырный! – шутливо выругалась дворничиха. – Хоть бы причесаться дал.

Демин открыл окно и посмотрел вниз. В нескольких метрах раскачивались верхушки высоких деревьев, внизу на асфальте все еще лежали кирпичи, припорошенные мокрым снегом. Выбросилась Селиванова рано утром, почти ночью, в темноте. Надо же, нашлась у девчонки бутылка виски... А не будь ее, кто знает, и сейчас была бы жива. Выпила примерно стакан. Количество вполне достаточное, чтобы любая неприятность превратилась в трагедию. Говорят, правда, что пьяному море по колено... Не знаю, подумал Демин, не знаю... Большинство преступлений совершается в пьяном состоянии, не потому, что кое-кому становится безразличной собственная судьба... Скорее наоборот – обостряется чувствительность, преувеличенно воспринимается любое брошенное слово, безобидное замечание кажется смертельным оскорблением, вполне терпимое положение воспринимается как безвыходное.

Ну что ж, доложим начальству все как есть, думал Демин, перелистывая маленькую записную книжечку Селивановой. Книжечка была необычная, узкая, длинная, в алом сафьяно-

вом переплете, с прекрасной бумагой. Таковую не купишь в канцелярском магазине, скорее всего тоже из «Березки». И еще одно заметил Демин – книжка была совсем новая, и два десятка телефонов, занесенные в нее, очевидно, переписывались из старого блокнота.

* * *

Дверь в комнату резко, без стука открылась – на пороге стояла бледная Сутарихина.

– Там звонят, – проговорила она шепотом. – По телефону... Наташу просят... Я сказала, чтоб подождали...

– Валера! – Демин повернулся к одному из оперативников. – Быстро в соседнюю квартиру. Позвони оттуда – пусть засекут телефон. Пусть...

– Знаю! – крикнул оперативник уже из дверей.

– Вера Александровна, – негромко сказал Демин, – возьмите трубку и скажите, чтоб подождали.

– Господи, как же это? – Глаза старой женщины наполнились слезами. – А ну как не смогу?

– Сможете! – жестко сказал Демин. – Идите!

Своей резкостью он хотел возмутить женщину и тем придать ей силы. Сутарихина испуганно взглянула на него и вышла в коридор. Видя, что она не решается взять трубку, Демин сам взял ее и прислушался. «Соседка пошла звать...» – услышал он низкий женский голос. «Придет, никуда не де-

нется», – произнес тот же голос через несколько секунд. После этого раздался смех, какой-то угрюмый, торжествующий смех человека, который добился своего, сумел доказать свою силу. «Ничего, побесится, перестанет... Через это надо пройти. Ну что там?!» – Последние слова прозвучали четче, ближе других. Видно, неизвестная собеседница выкрикнула их прямо в трубку.

Демин передал трубку Сутарихиной.

– Алло! Алло! – зачастила женщина. – Вы меня слышите? Алло!

Участковый восторженно ткнул Демина в бок – во, мол, дает бабка, время тянет, как опытный оперативник.

– Алло! – надрывалась Сутарихина. – Девушка!

– Да слышу, слышу! Чего вы орете, как будто вас...

– Подождите минутку... Алло!

В конце коридора, насупившись, стояли братья Пересоловы, и во всем их облике было неодобрение. Демин навис над Сутарихиной, пытаясь разобрать, что говорит сипловатая собеседница. Понятые робко выглядывали из комнаты Селивановой – они, кажется, так и не поняли, что происходит.

– Хорошо, я позвоню через пять минут, – сказала женщина и, не дослушав Сутарихину, повесила трубку.

– Низкий нагловатый голос? – вдруг спросил молчавший до сих пор младший Пересолов.

– Да, наверное, его можно назвать таким, – озадаченно

проговорил Демин. – Ты ее знаешь?

– Она звонит иногда... не так чтобы часто, но и не первый раз. Кстати, этой ночью она звонила. Ее зовут Ирина.

– А отчество как, фамилия? – спросил Демин.

– Не знаю, Наташа не говорила.

– Напрасно, – проворчал Демин.

– Я могу подойти к телефону... Она иногда передает через меня кое-что для Селивановой... То есть передавала.

Демин задумчиво посмотрел на младшего Пересолова, на Сутарихину, в глазах у которой засветилась надежда на избавление от такой неприятной роли.

– Хорошо. Подойдешь ты.

Несмотря на то, что звонка все ожидали, прозвенел он неожиданно и как-то резко. Анатолий взял трубку, настороженно посмотрел на нее, не поднося к уху, будто опасался этой трубки...

– Да, – наконец проговорил он недовольно. Трубку Анатолий держал чуть поодаль, чтобы Демин мог слышать слова.

– Кто это? – опять прозвучал хрипловатый женский голос.

– А кто нужен?

– Толя, ты?

– Ну?

– Толик, будь добр, кликни Натали, а?

– А что я буду за это иметь?

Демин молча пожал парню локоть – правильно, мол, так держать. Тяни время, разговаривай, не торопись.

– Что будешь иметь? – переспросила женщина. – Это ты уже с Натали договаривайся! – Она хрипло засмеялась.

– С ней договоришься, как же! Держи карман шире...

– Можно, Толя, можно. Заверяю тебя, что с ней несложно договориться. Видно, ты не с того конца начал.

– С какого конца надо начинать?

– Ха, я бы тебе сказала, но рядом люди... Они могут меня неправильно понять. Но ты меня, надеюсь, понял.

На лбу у парня выступили маленькие капельки пота. Демин только сейчас представил себе, каково Анатолию было вести этот вроде бы такой шуточный разговор. Но Анатолий неплохо держался. Ворчливостью и недовольством он скрывал свое состояние.

– Ну что замолчал? Смotalся бы за соседкой!

– А кто зовет?

– Ты что, ошалел? Скажи – Ирина к телефону зовет.

– А отчество? – уныло спросил Анатолий.

– Перебьется и без отчества.

– Ладно, подожди... – пробурчал Анатолий и передал трубку Демину. Некоторое время в трубке не раздавалось ни звука. Потом вдруг четко и громко прозвучали слова: «Конечно, придет, никуда не денется». Все тот же низкий женский голос. И Демин даже на расстоянии чувствовал, что принадлежит он человеку хваткому, самоуверенному, привыкшему поступать по-своему.

В дверях появился оперативник.

– Все в порядке, – проговорил он шепотом. – Засекли.

– Спроси, может, чего передать Наташе, – сказал Демин, отдавая трубку Анатолию.

– Алло! Ира! Может, что передать?

– Слушай, ну и копуха она стала! Как у нее настроение?

– По-моему, неважное.

– Я думаю! – удовлетворенно засмеялась женщина. – Толя, скажи ей, чтоб сегодня обязательно была в «Интуристе». Понял? Она знает. И еще скажи, чтоб не валяла дурака. А то я очень обидчивая стала в последнее время. Так и скажи. Добро? Ну будь!

Анатолий положил трубку и некоторое время стоял молча. Потом вопросительно посмотрел на Демина.

– Кто это?

– А черт ее знает! – с неожиданной злостью сказал Анатолий. – Ира, и все. Судя по голосу, эта Ира немало выпила на своем веку. И не только водки.

– Что же еще она, по-твоему, пила?

– Крови она достаточно попила у людей. По голосу чувствую, по тону. Этакой хозяйкой себя воображает. Нравится ей быть хозяйкой, давать распоряжения, проверять исполнение, поощрять и наказывать.

– Ладно, – тихо проговорил Демин, и в голосе в первый раз за все утро прозвучала угроза. – Ладно. Пусть так. Что у тебя? – повернулся он к оперативнику.

– Из автомата звонила. С улицы Горького.

– Ладно, – повторил Демин. – Пусть так. Хозяйка так хозяйка. Я не против. Будем заканчивать. Подписываем протоколы, собираем манатки, опечатываем жилплощадь и отбываем. А вас я попрошу вот о чем, – Демин повернулся к жильцам. – Сегодня на все телефонные звонки, если кто будет Селиванову спрашивать, отвечайте, что нету. Нету, и все тут. И весь разговор. Пусть думают, что хотят. Такая к вам просьба. Завтра скрывать будет сложно, да и ни к чему, наверно... А сегодняшней день попытаемся использовать.

Он оглянулся в последний раз, словно проверяя, не забыли ли чего, и вдруг его взгляд упал на новенький с блестящими пряжками портфель – явно чужой в этом полутемном коридоре, на пыльном полу, между старой кухонной тумбочкой и продавленным креслом. Демин поднял его, внимательно осмотрел.

– Чей это? – спросил он, уже догадываясь об ответе.

– Наташин, – ответил Анатолий. – Она часто оставляет его в коридоре. А утром брала – и сразу в институт.

Демин, не говоря ни слова, внес портфель в комнату Селивановой и вытряхнул на диван. Из него высыпались тетради, конспекты, зеркальце, косметическая сумочка, несколько шариковых ручек. Раскрыв одну из книг, Демин увидел, что это не учебник.

– Ну да, конечно, – сказал он. – Иначе быть не могло. Только Булгаков. Что еще может читать девушка, у которой на столе виски, а в шкафу пара шуб.

– Ты чего ворчишь, Валя? – спросил участковый.

– Булгакова читала девушка Наташа. Понял?

– Ну и что?

– Ничего. Просто было странно найти в ее портфеле что-нибудь другое.

– Ты против Булгакова?

– Я за Булгакова. Знаешь, сколько просят спекулянты за этот томик? – Демин взял книгу за уголок и потряс ее в воздухе, словно бы для того, чтобы участковый мог определить ее стоимость. – Сто рублей за книгу.

– Но, может быть, это не ее книга, не исключено, что она взяла ее у кого-то почитать?

– Да какое это имеет значение?! Ты видишь, что в этой комнате все вещи, от виски до сапог, поют в один голос? И он напоминает мне голос той дамы, которая звонила недавно.

В этот момент из книги, которую держал Демин, выпал небольшой синий листок бумаги и, раскачиваясь из стороны в сторону, полетел на пол. Демин поднял его, внимательно осмотрел, и его хмурое лицо осветилось чуть ли не счастливой улыбкой.

– Ну вот, – сказал он, – и эта бумажка тянет все тем же сипловатым голосом. Лира. Самая настоящая итальянская лира, которую гражданка Селиванова использовала в качестве книжной закладки. Правда, стоит она пятак, не больше. Но это ерунда... Менястораживает странный хор вещей, предметов, ночных телефонных звонков, непонятных пору-

чений... Верно, Толя? – подмигнул Демин младшему Пересолову. – Уж поскольку я освободил тебя сегодня от работы... Ты не против, если мы немножко покатаемся?

– Да нет... Можно. – Он оглянулся, посмотрел на Василия, но тот молчал с каменным лицом, как бы сняв с себя всякую ответственность за брата.

– Тогда одевайся. Поехали! А снег, снег-то валит... Эх, Наташа, такого снега лишить себя, такой погоды! Зачем было так торопиться, не понимаю.

* * *

И опять машина мчалась по заснеженным улицам, неумолимо работали «дворники», сгребая с ветрового стекла мокрое месиво, чертыхался водитель, глядя, как скользят на переходах прохожие, как шарахаются они в сторону, увидев возникшую рядом машину, и молчал, вжавшись в сиденье, Демин, из-под полуприкрытых век сонно поглядывая на дорогу, на размытые контуры домов, на тусклые, словно плавающие в снегу огни светофоров.

– А этот... Григорий Сергеевич, звонил Селивановой? – спросил вдруг Демин.

– При мне нет, – ответил Анатолий. – Вы хотите зайти сейчас к нему?

– Нет. И тебе не стоит. Уточним номер дома, квартиру, фамилию. И отчалим восвояси. Не готов я с твоим приятелем

лем всерьез поговорить.

– А, черт! – крикнул водитель, выравнивая машину. – Заносит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.